

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

НА КРАЮ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Иллюстрация на переплете
Филитта Барбышева

Свечин, Николай.
С24 На краю : роман / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-162190-2

В декабре 1913 года в Приморье произошла серия нападений на денежные ящики воинских частей. Были разрезаны часовые, а также наводчики, помогавшие бандитам подобраться к деньгам. Все жертвы оказались убиты зверским способом: им вскрыли грудь и вытащили наружу правое легкое, еще живым... Новый роман Николая Свечина — это новые приключения и расследования знаменитого сыщика Алексея Лыкова. На этот раз ему предстоит схлестнуться с опасным маньяком, помешанным на китайцах. Приморье вздрогнет от серии кровавых убийств, но виновный будет пойман. Любой ценой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162190-2

© Свечин Н., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Автор благодарит Алексея Буякова,
Андрея Потоцкого и Павла Казанцева
за помощь в написании этой книги.*

ГЛАВА 1

Новая командировка

30 ноября 1912 года 5-й Сибирский стрелковый полк, квартировавший в городе Никольск-Уссурийский Приморской области, объявил торги. Ему требовалось закупить для продовольствования нижних чинов 14 000 пудов мяса и 1000 пудов кашного сала. Согласно книге XVIII Свода военных постановлений, соискатели должны были сдать свои кондиции ♦ в канцелярию полка в запечатанном виде. И приложить к ним залог — пять процентов от всей стоимости поставки. Если брать среднюю цену мяса пять рублей за пуд, а сала — семь с полтиной, набегало прилично: 3875 рублей. Для серьезных деловиков, а именно такие занимаются казенными поставками, это сущие копейки, и в торгах приняли участие пять предпринимателей. Итого в денежном ящике полкового казначея скопилось более 19 000 рублей. Да еще лежал неизрасходованный остаток полковых сумм за второе полугодие, около 10 000. Начальство берегло экономию для выдачи наградных

♦ Кондиции — условия поставки. (Здесь и далее — примеч. автора.)

к Рождеству и скупое тратило наличность. Но тут случилась беда.

Ночью неизвестные проникли на территорию полка, зарезали часового и вынесли за пределы части кассу вместе со всем содержимым. Видать, крепкие были ребята: касса весила десять пудов, но грабители каким-то образом перебросили ее через высокие лиственничные пали. Вскрытый шкаф нашли потом в лесу за железнодорожной станцией. Разумеется, он был пуст. Рядом лежал труп рядового 5-го полка Трофима Оселедченко. Полиция догадалась, что он служил наводчиком, провел бандитов в полк, отвлек часового и помог вынести кассу, рассчитывая получить долю. Но громилы сочли, что лучше избавиться от соучастника, чем делиться с ним.

И Оселедченко, и часового убили особо жестоким способом. Разрез на груди обоих был таким глубоким, что наружу вывалилось правое легкое...

Происшествие неприятно поразило военное начальство, но оказалось, что это были цветочки. За десять дней по такой же схеме бандиты совершили еще два ограбления. Во Владивостоке обчистили казначейство 3-го Сибирского горного артиллерийского парка. Там тоже собрали кондиции на закупку мяса и рыбы и сберегли крупную сумму к праздникам. Негодяи зарезали часового и плюсом младшего унтер-офицера, явного пособника. Забрали 22 000 рублей. Тело предателя обнаружили в Гнилом углу, за бараками крепостного временного госпиталя № 1. Поблизости нашли вскрытую кассу. Обоих жертв убили уже знакомым сыщикам страшным ударом ножа в правую сторону груди, дополненным ножевыми ранениями в живот. Врач, осматривавший тела, сказал,

что легкое у них не само так вывалилось наружу. Его поддели ножом и вытащили из плоти. Еще у живых...

Затем три трупа и пустой ящик обнаружили на Седанке, в пятнадцати верстах от Владивостока. На этот раз пострадала 9-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада. Негодяи опять завербовали продувного ефрейтора, но, кроме него и часового, прикончили еще и писаря, не вовремя засидевшегося в комнате казначея. Смерть всех троих была так же ужасна, как и в предыдущих случаях.

Седанка — дачный пригород столицы Приморской области. Труп ефрейтора валялся под забором резиденции епископа Владивостокского и Камчатского Евсевия. Все вместе это привело к тому, что дело о грабежах в дальневосточных полках легло на стол военному министру. Сухомлинов в тот же день обратился к министру внутренних дел Макарову и попросил подсобить местной полиции пресечь бандитов. Тот телеграфировал генерал-губернатору Приамурского края Гондатти: почему его сыщики не справляются? какая нужна помощь? Шталмейстер ничтоже сумяшеся ответил: прошу командировать статского советника Лыкова, он разберется.

Гондатти помнил Лыкова еще по делу об очистке от разбойников Амурской железной дороги. Тогда на стройку съехались сотни негодяев и сделали жизнь населения невыносимой. Генерал-губернатор пожаловался Столыпину, и тот прислал Лыкова с Азвестопуло. Которые в три недели вывели всю нечисть... И вот теперь грозный волкодав опять понадобился.

Макаров, мелкая душа, был только рад. И приказал немедля отправить статского советника в Приморье.

Директор Департамента полиции Белецкий напомнил министру, что сыщик едва оправился после тяжелого ранения, но тот слушать не стал. Исполнять, и все! А через день вылетел в отставку.

Заступивший на его должность Маклаков не решился отменять приказ своего предшественника. Тут еще Гондатти отстучал новую депешу: во Владивостоке неизвестная банда режет китайцев, трупы валяются прямо на улицах, шлите подмогу — Лыкова!

Директор вызвал Алексея Николаевича, показал ему телеграмму генерал-губернатора с визой нового министра: «Немедля помочь». И сказал со вздохом:

— Я пытался тебя отстоять — не вышло...

— Раз надо, я поеду.

— А как со здоровьем?

Лыков подмигнул Белецкому:

— Пятак согнуть?

Действительный статский советник спросил шепотом:

— Опять портишь казенную монету? Вернулась силенка?

— Вроде да.

— Как у тебя с текущими делами? Как с «иван иванычем»? ♦ Сумеешь отлучиться надолго?

— С ним сейчас пауза, как раз могу.

— Езжай! — решительно приказал директор. — Грека с собой возьми, он у тебя любит прогонные.

— Еще как.

Алексей Николаевич помолчал, ожидая, что шеф пройдет на счет возросших затрат Азвестопуло на агентуру. Но Белецкий опять вздохнул:

♦ См. книгу «Паутина».

— Приедешь — меня тут уже, наверное, не будет. Говорят, Маклаков взъелся, хочет своего посадить.

— Твоя должность важнейшая в государстве, — напомнил статский советник. — Любой новый министр захочет иметь директором департамента своего человека.

— Да понимаю я, а все-таки тошно, — скривился Степан Петрович и раздраженно махнул рукой: — Все, иди. Аккуратнее там!

Лыков пришел к себе в кабинет и отвесил щелбана помощнику:

— Ну, дождался!

— Ай! — вскрикнул тот испуганно. — Чего я дождался? Нас увольняют?

— Нет, ссылают на Дальний Восток.

Сергей сообразил сразу:

— Это по просьбе Гондатти? Маклаков подтвердил приказ Макарова?

Алексей Николаевич пояснил:

— Никто не станет волынить, когда есть обращение военного министра плюс генерал-губернатора. Надо ехать. Ты готов?

— А сколько верст до Владивостока? — сразу взял быка за рога помощник.

— Смотри как добираться, — ответил статский советник со знанием дела. — Можно через Москву, выйдет восемь тысяч семьсот сорок три версты, дорога первым классом встанет в триста двадцать шесть рублей...

— Ого! — ахнул грек. — Так дорого?

— А ты как думал? Всю державу придется проехать. Второй путь — через Вятку, он на четыреста верст ко-

роче, стоит триста восемнадцать целковых. Мы поедем вторым, чтобы сэкономить время.

Азвестопуло капризно заявил:

— Я согласен только на вагон Международного спального общества! ♦ Ни разу еще не пользовался, все вы да вы...

♦ Правильное название — Международное общество спальных вагонов и скорых поездов.

— У них будет дороже: триста тридцать семь рублей через Москву и триста двадцать девять через Вятку.

Помощник махнул рукой:

— Казна заплатит. Ведь заплатит?

Статский советник ободрил коллежского асессора:

— Ты, шаромыжник, знай: со мной не пропадешь! Проездной билет у меня бесплатный. А тебе выправим у Степы ♦♦ такой же.

♦♦ То есть у Белецкого; директор Департамента полиции имел в своем распоряжении бесплатные железнодорожные билеты для казенной надобности.

— В оба конца?

— В оба. То есть скатаешься на край земли задарма. А прогонных получишь более двух тысяч.

Грек расправил плечи:

— Вот за что люблю я нашу службу...

Шеф продолжил:

— Стол и проживание за мой счет, как ты привык. Еще сотенки две положишь в карман из командировочных.

— Надеюсь, остановимся в лучших гостиницах? Есть такие во Владивостоке? Вы ведь там бывали, правда, давно.

Алексей Николаевич напряг память:

— В тысяча восемьсот восемьдесят девятом, на обратном пути с Сахалина. Тогда это был дрянной городишко, очень небезопасный. Надеюсь, он сейчас похорошел. Столица области, большой порт, гарнизон

значительный после войны там поставили. Крепость подновили после того, как японцы нам заломили салазки... Найдем дыру попрличнее, не сумлевайтесь, ваше высокоблагородие!

— Быть посему.

Сказав так, Азвестопуло сразу засуетился:

— Ну, пойду Машку обрадую, что уеду далеко и надолго. Командировочное предписание опять же надо получить...

И исчез, будто его и не было.

А Лыков уселся за бумаги. Вечером он отправился за билетами. Купить их в Международном обществе спальных вагонов было не так-то просто, и сыщик не решился послать курьера, сделал все сам.

Чтобы прокатиться в вагонах общества, приходилось приобретать целых три билета: обыкновенный проездной, билет на увеличенную скорость и вдобавок еще особый билет на спальное нумерованное место. Статский советник сдал в кассу два служебных документа и получил взамен целую кучу картонок, по три на брата. Еще он оплатил посещение вагона-бани. Все, можно было ехать.

Ольга Дмитриевна привыкла к частым отлучкам мужа. В этом году он уже катался за Байкал, в Верхнеудинск. Теперь ему предстояло отправиться еще дальше и на неопределенный срок. Повадки банды настораживали. Люди умели находить негодных солдат, совращали их, проникали с помощью предателей в полковые казначейства, а потом обрубали концы. Как найти таких молодчиков? Свидетели мертвы. А тут еще полицмейстер Владивостока подполковник Лединг... Только что

прекратили судебное преследование против него — за недоказанность. Подполковника обвиняли в покровительстве китайским опиекурильням и игорным домам. За деньги, разумеется. Насколько можно ему доверять? Алексей Николаевич уже решил попробовать опереться на жандармов. Кроме того, следовало заручиться и поддержкой армии, ведь жертвами грабежей были военные. Поразмыслив, сыщик отправился к барону Таубе.

Его давний друг в последнее время укрепил свое положение в Военном министерстве. После злосчастной японской войны, на которой он потерял руку, началась запоздалая чистка рядов. В 1906 году специально созданная Высшая аттестационная комиссия уволила из армии 217 генералов! А в следующем году — еще 146. Виктор Рейнгольдович остался только потому, что его защитил Редигер. Умный и трудолюбивый, он знал цену барону. Но затем государь снял Редигера с должности военного министра. Тот не сумел дать отповедь Гучкову, который на заседании Государственной думы осмелился критиковать армию. Вместо того чтобы осадить «хлопчатобумажного патриота»♦, генерал фактически согласился с тем, что наша армия имеет много недостатков. А как будто не имеет? Однако царь выгнал реформатора и поставил на его место Сухомлинова. Легкомысленный, но хитрый, новый министр развлекал государя анекдотами, чем быстро завоевал его расположение. Начальник Генерального штаба Жилинский тоже не отличался особым трудолюбием. Воз текущей работы тащил генерал-квартирмейстер ГУГШ Данилов-Черный♦♦. Он и пригрел на первых порах Таубе. Барон примыкал к группе «младотурок» — так в шутку прозвали высших офице-

♦ «Хлопчатобумажный патриот» — прозвище Гучкова при Дворе, намекавшее на его купеческое происхождение...

♦♦ ГУГШ — Главное управление Генерального штаба. Данилов-Черный получил свое прозвище, чтобы отличаться от двух других генералов с такой же фамилией — Данилова-Рыжего и Данилова-Белого.

ров, сотрудничавших с Думой для продвижения военных реформ. Это сотрудничество раздражало царя и, следовательно, нового военного министра. «Младотурок» выслали из столицы, разбросав по военным округам, Виктор Рейнгольдович вновь повис на волоске. Однако его богатый опыт, полученный на секретной службе, в очередной раз спас генерал-майора от пенсии. Таубе поручили курировать молодую контрразведку. В штабах округов были созданы контрразведывательные отделения, которые подчинялись Особому (Пятому) делопроизводству ГУГШ. И там, и там правили бал офицеры Отдельного корпуса жандармов. Сухомлинову нужен был свой человек, из армейских, но опытный в этой области. Барона ввели в состав Военного совета при министре и приказали надзирать и за Огенкваром♦, и за Пятым делопроизводством. В разведке сидели ученики Таубе, его авторитет среди них был непререкаем. Барон занялся привычными ему тайными операциями и быстро стал незаменимым.

♦ *Огенквар* – Отдел генерал-квартирмейстера, военная разведка.

Алексей Николаевич телефонировал старому приятелю и попросил принять его как можно быстрее. Тот сказал: приходи домой к вечернему чаю. Это значило — к восьми часам пополудни. Сыщик в назначенное время приехал на Галерную, расцеловался с баронессой и повел хозяина в кабинет. Выставил на стол бутылку модного коньяка «Семнадцатилетний Интернациональ с синей лентой» и красноречиво подмигнул:

— Ну, по пендюрочке?

Таубе скривился и вынул из коробки «гавану»:

— Можно я лучше подымлю?

Дав закурить, статский советник огорошил друга:

— Я завтра еду во Владивосток.

Генерал замер с дымящейся сигарой в руке:

— Ты же еще не оправился после ранения!

— Оправился.

— А... зачем это тебе?

— Приказание нового министра.

— Маклаков посылает на край земли хворого человека?

Лыков начал объяснять более подробно:

— Это приказ еще Макарова, который инициировали военный министр и генерал-губернатор Приамурского края. На пару. Почему же новый министр должен его отменять? Да мне и самому интересно. Не такой уж я и хворый. Поеду вместе с Азвестопуло, он за дедушкой присмотрит.

— Хм. Что нужно от меня? Ты же не просто так приперся?

— Эх, друг называется. Приперся... Я, между прочим, со своим коньяком пришел, зная твое нищесбродство. А ты — приперся. Возьму сейчас бутылку и уйду. Оставлю тебе только синюю ленточку.

Виктор Рейнгольдович отложил сигару, достал фамильные серебряные рюмки с гербом и разлил по ним коньяк. Выпили, и гость продолжил:

— Кто-то грабит в Приморье полковые казначейства. Люди при этом гибнут. Гондатти топают ногами, просит Сухомлинова пресечь, тот кивает на МВД. Местная полиция не справляется.

— Так.

— Теперь что нужно от тебя, генерал. Совет и, возможно, рекомендации. С кем из вашего брата мне там

иметь дело? Столица далеко. Может понадобится помощь военных, ибо к полицмейстеру имеются вопросы.

Таубе вздохнул:

— Командующий войсками Приамурского округа — генерал-лейтенант Лечицкий. Штучный человек! Сын сельского дьячка, академию не кончал, выслужился в высшие чины благодаря храбрости и здравому смыслу. Военное дело знает и любит. Но он в Хабаровске♦.

Лыков кивнул:

— Далеко. А в самом Владивостоке кто закоперщик?

— Комендант Владивостокской крепости и одновременно командир Четвертого Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Нищенков.

— Ты с ним знаком?

— Да. Мы поступим вот как...

Таубе затушил сигару и потянулся, хрустнув суставами.

— Аркадию Никаноровичу к Рождеству дадут чин генерала от артиллерии. Решение уже принято. Ты выезжаешь завтра? Как раз явишься туда к распубликованию Высочайшего приказа по военному ведомству. Я передам тебе в поезд новые погоны для него. Чуешь?

Гость кивнул. Хозяин договорил с воодушевлением:

— Производство в следующий чин — большая радость для военного. А тут ты с погонами. Нищенков обрадуется, поверь мне. Я еще письмо с тобой передам. После такого он станет тебе верным союзником.

Алексей Николаевич усмехнулся:

— Хорошая мысль. А ты интриган... Готовь погоны. Поезд уходит в три пополудни. Теперь давай еще по пен-

♦ В Хабаровске располагался штаб Приамурского военного округа.

дюрочке, и расскажи мне, что делается в Приамурском крае.

Виктор Рейнгольдович махнул рюмку и стал бодро докладывать:

— После того как японцы наклали нам по заливку, краем наконец-то стали заниматься. Сейчас там сильные части. Округ насчитывает сто тридцать тысяч штывков, столько же, сколько Петербургский и Московский, представляешь? Больше лишь в ударных Варшавском и Юго-Западном военных округах, но тем скоро предстоит война.

Сыщик понурился:

— Значит, скоро? Э-хе-хе... Мы, как всегда, не готовы?

— Не готовы. Но пытаемся повысить нашу обороноспособность; не знаю, успеем ли... Готовится «Большая программа по усилению армии». Наконец-то Министерство финансов удалось сломать. Кадр армии мирного времени увеличится сразу на тридцать девять процентов!

— Почему не на сорок? — ехидно уточнил гость. Хозяин только отмахнулся:

— Сейчас наш военный бюджет — всего семьдесят миллионов рублей. И его выбиваем с трудом. Но в следующем году под программу единовременно выдадут колоссальные средства — четыреста тридцать миллионов! Такого в истории России никогда не было. А ежегодные ассигнования вырастут вдвое — до ста сорока миллионов. Достанется и Приморью. Так и передай Аркадию Никаноровичу. Это пока секрет, но полные генералы♦ должны его знать.

♦ *Полный генерал* — генерал от рода войск.

— Такие деньжищи Гучков вам согласовал? — задал весьма интересовавший его вопрос сыщик.

— Да, он много для этого сделал. И хотя самого Гучкова сейчас в Думе нет, партия октябристов по-прежнему под его руководством. И по-прежнему сильно способствует укреплению обороны. Мы, военные, очень это ценим.

Лыков ушел домой в задумчивости. А на другой день они с Азвестопуло сели в скорый поезд № 2 и отправились на восток. Началось десятидневное путешествие сыщиков через всю страну.

В пути Лыков старался держаться в курсе событий. Вагон-библиотека вез свежие газеты, и статский советник погрузился в чтение. Новости, как и прежде, не радовали. Часть их носила совершенно дикий характер. Когда сыщики подъезжали к Вятке, в Петербурге неожиданно скончался член Государственного совета князь Н. В. Вяземский. За завтраком он случайно сломал три искусственных зуба. Те попали в дыхательное горло, и несчастный задохнулся. Нелепая смерть от собственного протеза...

Сухомлинов произвел фурор на открытии памятника Битве народов под Лейпцигом. Представитель русского государя заявил, что войны не будет! И сорвал дружные аплодисменты. Вот молодец... А барон Таубе утверждает обратное; не иначе, паникер.

Выпускница Чистопольской женской гимназии захотела поступить на службу учительницей в Чистопольском же уезде. Это оказалось не так-то просто. Учительский совет потребовал от барышни не только аттестат об окончании гимназии, но заодно и меди-

цинское свидетельство о невинности... Пришлось предоставить.

Выездная сессия окружного суда в Хабаровске приговорила госпожу Зандау к трем суткам домашнего ареста за кощунство. Та додумалась явиться на маскарад в костюме Саломеи. Газеты намекали, что платье было полупрозрачным.

На Балканах замучались собирать турецких военнопленных. Одних только офицеров в Болгарии числилось 350 человек, а в Салониках вообще 600. Счет нижним чинам шел на тысячи. Османская империя трещала по швам под ударами славян.

Много писали о покушении в Индии. Лорд Гардинг, вице-король Индии, торжественно въезжал в Дели, восседая на слоне. Он помещался в особой башне, как вдруг сверху из окна дома в него кинули бомбу. Та оказалась начинена патефонными иглами и шурупам. Произведенным взрывом убило двух человек, в том числе служителя, державшего зонт над Гардингом. Еще тринадцать человек ранило. Сам вице-король уцелел чудом. Он получил ранения в лопатку, затылок и бедро, башня была разрушена. Убийцу не нашли, за его открытие обещали награду.

В Бессарабии, на Волыни и в Подольской губернии скупщики задорого приобретали у населения коней артиллерийского и обозного типа и крупными партиями перевозили в Австро-Венгрию. Пока русский военный министр произносил в Лейпциге пустые речи... А с чем он завтра будет воевать? Наглость австрийков известна, но это уже чересчур.

А германское военное министерство запретило графу Цеппелину не только продавать свои дирижабли за

границу, но даже выставлять их для обозрения без особого разрешения военных.

Среди прочего Лыков обнаружил новость, которая его расдосадовала. Согласно новому закону, в Приморье запрещалась охота на соболя. Аж на пять лет! Под запрет попала и торговля мехами, не снабженными пломбами, а также их покупка и вывоз за границу. А статский советник собирался привезти домой шкурки супруге на воротник. Не успел... Интересно, можно ли обойти запрет на месте? Тамошняя полиция наверняка умеет ловчить — пусть помогут командированному из столицы. А то ведь он такого накопает!

Расстроенный сыщик показал заметку помощнику. Сергей от политических новостей отмахивался, а тут проявил живой интерес. И весьма обрадовался запрету.

— Очень хорошо. Очень-очень-очень!

— Что же тут хорошего?

Азвестопуло назидательно пояснил:

— Все запреты имеют лишь одно последствие: повышают цену предмета, который будто бы нельзя купить.

— И что? — не понял статский советник.

— А то, что теперь я продам шкурки в Петербурге еще дороже, чем рассчитывал.

— Какие еще шкурки, соболиные? А где ты их возьмешь?

Помощник хохотнул:

— Неужто я грекоса во Владивостоке не найду? Наш брат везде пролез. Куплю на прогонные сколько хватит. А Лединг наставит пломб, каких надо — он известный жулик, чай, справится. Забыли мой девиз? Не зевай на брасах!

Лыков рассердился:

— Ты мошенничать туда едешь, а не сыском заниматься? Ведь полицмейстер Лединг и впрямь захочет нас купить. Чтобы мы в министерстве потом представили его в лучшем виде.

— Я о том и говорю, — не моргнув глазом ответил коллежский асессор. И обнаружил неожиданное знакомство с меховым делом. Он объяснил шефу, что пломбы бывают двух видов. Мاستичные ставятся прямо на шкурку, а сургучные привязываются на веревке. А сами шкурки лучше покупать летние, так называемые калтаны — у них мех выше качеством. Было видно, что помощник подготовился к командировке...

— Эх, шеф, — разглагольствовал он, — Приморье — это золотое дно. В буквальном смысле слова! Потому как россыпи дают хороший песок, а именно зимой старатели сбывают утаенное от казны золотишко. Еще есть женьшень, опий, оленьи панты... Последние лучше брать от пятнистого оленя, они в четыре раза дороже пантов изюбря. Не будь вы старомодный ретроград, реликт, так сказать, совестливости, какую коммерцию можно было бы развить при ваших чине и должности.

Алексей Николаевич молча погрозил коммерсанту кулаком и вернулся к газетам.

Так они и ехали, забираясь все дальше на восток. Вагон-столовая предоставлял лишь холодные закуски и напитки. Горячую пищу пассажиры получали в станционных буфетах. Поездной буфетчик заранее собирал заявки, которые отсылал на станцию телеграфом. За эту услугу с каждого блюда он брал гривенник сверх таксы. За отдельную плату пассажиры получали ванну и душ.

Газеты, книги, шахматы, домино, холодную кипяченую воду давали бесплатно.

Азвестопуло беззастенчиво пользовался кошельком шефа и выбирал в буфетах самое вкусное и дорогое. Лыков привык к этому, он и сам любил побаловать Сергея. При его капиталах шалости помощника казались пустяками.

Уже в Маньчжурии пассажиры встретили Рождество. Все принарядились, в Харбине православные отстояли службу в привокзальном храме. Столица Приморья быстро приближалась. Азвестопуло посерьезнел, а Лыков торопил часы — поездная тряска изрядно ему надоела.

26 декабря в 21 час 36 минут, точно по расписанию, скорый поезд № 2 прибыл на вокзал города Владивостока.

ГЛАВА 2

Знакомства

На перроне гостей встретил рослый осанистый господин лет тридцати пяти:

— Дозвольте представиться: помощник полицмейстера по наружной части коллежский ассессор Царегородцев Константин Гаврилович. Прислан подполковником Ледингом встретить вас и помочь разместиться.

— Здравствуйте, — пожал ему руку Лыков. — Когда полицмейстеру будет удобно повидаться с нами?

Царегородцев угодливо улыбнулся:

— Да можно прямо сейчас. Стол накрыт. У Генриха Ивановича лучший в городе повар. Из китайцев, разумеется. Пальчики оближете!

— Нет, сейчас не стоит, — отказался статский советник. — Десять дней в дороге, надо прийти в себя. Заселиться сперва. Куда порекомендуете, как знаток?

— Первоклассные гостиницы почти все на Светланской. Это наш Невский проспект, если угодно.

«Версаль» считается лучшим. Очень неплоха «Россия», да и «Централь» с «Метрополем» хороши... Но я бы посоветовал «Гранд-Отель» на Алеутской. Не так шумно и вполне уютно.

— Едем туда.

Помощник полицмейстера схватил было чемоданы приезжих, но Лыков отобрал вещи и передал носильщику.

— Личный экипаж полицмейстера ждет вас, — Царегородцев побежал впереди, указывая дорогу.

Лыков шел следом и мысленно повторял характеристику коллежского асессора, данную в жалобе китайских подданных генерал-губернатору Приамурского края. Те писали, что Царегородцев через переводчика китайского языка Чу Шанму обложил незаконными поборами китайское семейное население. Переводчик ходил по квартирам с револьвером в руках и требовал наличность. Тем, кто откажется платить, он угрожал арестом и высылкой из Владивостока. Напуганные люди в большинстве своем откупились от шантажиста. К тем немногим, кто отказался платить, на следующий день явились городовые. Они арестовали двадцать восемь женщин, среди которых оказалась даже роженица, только что разрешившаяся от бремени. Лыков помнил фамилию этой несчастной — жена торговца Лян Шичина. Маленьких детей тоже забрали. Все китайцы просидели в арестантском помещении Городского управления полиции с утра до позднего вечера. И лишь по требованию нанятого обществом присяжного поверенного были отпущены по домам. Теперь вот этот самый Царегородцев звал ревизор на ужин к полицмейстеру и помогал устроиться.

Однако сыщики не собирались ссориться с местной полицией, тем более с первого дня. Они заселились в «Гранд-Отель», который располагался всего в двух шагах от вокзала, поблагодарили коллежского асессора и отпустили его вместе с экипажем. Заодно договорились, что знакомиться с Ледингом они придут завтра к двум часам. Поскольку сначала должны представиться военному губернатору области и коменданту крепости. Как раз полдня и уйдет...

Гостиница оказалась и впрямь неплохой. Бросив вещи и умывшись с дороги, питерцы пошли в ресторан. Азвестопуло хищно набросился на трепанга с гребешками, его шеф предпочел другие яства. Он чинно истребил двинскую семгу, рижских угрей и нарвских миног, а запил горькой английской.

Подкрепившись, сыщики решили перед сном прогуляться по городу. Лыков повел помощника на берег бухты Золотой Рог. Вид ее очаровал Сергея. Рядами стояли суда, вмерзшие в лед. Их сигнальные огни были живописно разбросаны по всему пространству бухты. На том берегу тоже кое-где светилось электричество. А за спиной туристов заманчиво шумела главная улица столицы Приморья. Алексей Николаевич быстро замерз и предложил отправиться на боковую. Но грек воспротивился:

— Алексей Николаевич, когда снова попадем в такую даль? Может, никогда. Хочу еще погулять, хоть часик. Первые впечатления самые интересные, вы же знаете.

Лыков смирился. Он и сам двадцать три года назад шлялся по Владивостоку разинув рот. А сейчас город стал еще красивее и интересней.

Сыщики дошли до угла Алеутской и Светланской и повернули направо. Вокруг кипела жизнь. Святки были в полном разгаре, люди торопились насладиться праздниками. Но Лыков повел помощника в дальний конец парадной улицы, заявив, что у него есть одно личное дело.

Питерцы прошли мимо магазина «Кунст и Альберс», почтамта, штаба Сибирской флотилии и прочих приметных зданий и заглянули в Матросский сад. Здесь Лыков остановился возле пирамиды из крупных камней. Она была дополнена траурно приспущенным чугунным Андреевским флагом и якорем, вокруг стояло ограждение из якорных цепей. Сыщик снял шапку и долго, не смотря на мороз, стоял с непокрытой головой. Потом объяснил Сергею, что это памятник экипажу шхуны «Крейсерок», погибшей в Татарском проливе в 1889 году. В бытность Алексея Николаевича начальником Корсаковского округа он подружился с командиром шхуны лейтенантом Налимовым. Веселый и храбрый лейтенант был настоящим русским флотским офицером, он скромно и достойно нес тяжелую службу. И помог сыщику уничтожить японских диверсантов-«садовников»♦. А потом шхуна погибла вместе с экипажем. Спасся только кондуктор, который и рассказал, что произошло. Возле острова Тюлений была поймана американская посудина «Роза», пришедшая для браконьерского боя котиков. «Крейсерок» взял ее на abordаж, высадил на борт пять своих матросов во главе с Налимовым. И оба судна взяли курс на Владивосток. У мыса Терпения американец сел на камни, и сильный шторм быстро разбил его. Экипаж и abordажная команда стали спастись на

♦ См. книгу «Мертвый остров».

яликах, и пленники в этот момент подняли мятеж. Они убили одного из матросов, обрезали канат, связывавший ялик с «Розой», и поплыли к «Крейсерку». Что было дальше, доподлинно неизвестно. Остатки разбитой шхуны в конце года обнаружили на побережье японского острова Хоккайдо. Наша экспедиция нашла Андреевский флаг, доску с наименованием корабля и труп человека в русской военно-морской форме. Возможно, американцы захватили русскую шхуну — их было больше, чем наших. Взяли курс к своим, и по пути «Крейсерок» погиб от обледенения. Храбрый Налимов не смог спастись в шторм...

Отдав дань памяти погибшим — а Лыков знал весь экипаж шхуны поименно — питерцы пошли в гостиницу. По пути завернули в ресторан «Золотой Рог» и заказали графинчик. Со сцены публику развлекал настоящий негритянский оркестр. Черная труппа показывала танцевальные номера, исполняла непонятные, но зажигательные песни. Но Алексею Николаевичу было не до веселья. Он вспоминал свои разговоры с лейтенантом на ночной вахте, меткую очередь из «гочкиса», потопившую японцев, лица храбрых моряков. Уже в первом часу ночи захмелевшие гости отправились спать.

Утром их разбудил все тот же Царегородцев и заявил, что в распоряжение Лыкова на весь день отдан экипаж с возницей. Полицмейстер определенно хотел задобрить опасного гостя. Вдруг тот прислан не только поймать убийц, но и дать в столице оценку Ледингу? Алексей Николаевич поблагодарил, отказываться от подарка не стал и даже выпил с Константином Гавриловичем кофе в буфете. Кое-как отделался от него (Царегородцев вы-

звался проводить петербуржцев до дома начальника области) и пошел одеваться.

Два сыщика в мундирах со старшими орденами отправились представляться военному губернатору Приморской области генерал-майору Манакину. Тот принимал на Светланской, в двухэтажном доме старой постройки. Дом был знаменит тем, что в 1892 году здесь останавливался цесаревич, нынешний государь, по возвращении из путешествия в Японию.

Генерал принял посетителей сразу. И быстро перешел к важному, не тратя времени на пустые разговоры:

— Вы осведомлены, господа, что в приморском воздухе витает напряженность? Все ждут войны с Китаем. И она весьма вероятна.

Сыщики насторожились. Они знали в общих чертах, что происходило вблизи границ империи. После революции, свергнувшей маньчжурскую династию с китайского трона и установившей республиканскую форму правления, в стране начался разброд. Им воспользовалась Внешняя Монголия и объявила о своем суверенитете. Временное правительство Китая отнеслось к этой идее очень болезненно. Сейчас Монголия втайне от него завела шашни с Россией. Сильный северный союзник по логике Хутухты ♦ должен был защитить народившуюся независимую страну от атак с юга.

— Наши дипломаты играют с огнем, — продолжил генерал. — Возможно, так и надо: китайцы наглеют, они забрали в свои руки чуть не всю торговлю в крае. Давят нас числом и слаженностью действий. «Желтая опасность» не газетный миф, мы тут видим ее невооруженным глазом. Но... хоть бы сказали, к чему готовить-

♦ *Хутухта* — Богдо-гэгэн Восьмой, высшее лицо монгольской буддийской теократии, лидер революции 1911 года и фактический глава Внешней Монголии.

ся. Я не только военный губернатор, но еще и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. А инструкций из столицы шиш! Из Военного министерства пишут: быть наготове, но не поддаваться провокативным действиям. Из МИД вообще ни слова.

Манакин разволновался, встал и начал ходить по кабинету. Было видно, что события последних месяцев серьезно его волнуют.

— Поверьте, я знаю, о чем говорю. Несколько лет назад по линии военной разведки служил консулом в Цицикаре♦, как раз на границе Маньчжурии с Монголией. Пришлось для прикрытия перевестись на два года в гражданское ведомство. И насмотрелся я там!.. Китайцы всех нас ненавидят. Даже те, кто приехал сюда на заработки и зависит от пресловутой русской доброты. Они считают себя самой великой нацией в мире, центром всего, Срединной империей. Остальные народы, по мнению китайцев, вращаются вокруг Поднебесной и должны рано или поздно принять подчиненное к ней положение. Причем косоглазые скачут на длинный круг, в то время как мы — на короткий. И что мы видим сегодня? Монголия воспользовалась революцией и шмыгнула в сторону. Но далеко-то не отбежишь. Китай остался рядом. Наше правительство интригует и поддерживает суверенные потуги монголов. И даже тайно вооружает ее армию, хотя тут давно секрет Полишинеля. Напряжение нарастает. Недавно отменили беспошлинную торговлю в пятидесятиверстной полосе на русско-китайской границе. Нашим купцам нанесен ощутимый удар. Хутухта в ответ подписал соглашение об открытии Русско-Ургинского коопера-

♦ Цицикар — столица одной из трех маньчжурских провинций Хэйлуньцзяна.

тивного банка и правительственной почты с телеграфом. Вот-вот будет опубликован торговый договор, по которому российским подданным дадут чрезвычайно важные права в торговле и промышленности. Там беспощинная торговля, возможность создавать фактории в крупных торговых местах, право свободного плаванья по рекам, прогона скота по дорогам... Китай этого не потерпит! Уже сейчас их патриоты требуют ввести в Монголию войска. Желтые объявили бойкот русским товарам. Только что русофобами сожжена в Ханькоу чайная фабрика купца Литвинова. Население стало массово изымать вклады из Русско-Китайского банка, из кассы утекло два с половиной миллиона рублей. Банк шатается, нашему Министерству финансов придется дать ему кредит. А самое главное — из Китая пришел приказ всем, кто приехал сюда на заработки, срочно вернуться домой. Это война, господа. К весне ждите!

Манакин перевел дух, поворошил кочергой горящие поленья в камине, и заговорил более спокойно:

— Вы новенькие здесь. А я вижу, как резко уменьшилось количество желтых на улицах Владивостока. Уже начались проблемы с прислугой и с чернорабочими. Конечно, уехали на родину не все. Многим некуда возвращаться, они с трудом нашли себе здесь теплые места и не оставят их. Разве что под страхом смерти. Вот я и думаю...

Губернатор со значением посмотрел на Лыкова и закончил мысль:

— Ограбления военных меня, конечно, беспокоят, но еще больше — участвовавшие покушения на китай-

цев. Эти убийства на улицах... Они были и раньше. Тут еще дрянная привычка бросать своих покойников...

— Поясните, ваше превосходительство, — перебил генерала Лыков.

♦ Ходя — прозвище китайцев.

— Ходя♦ не любят тратиться на погребение соотечественников. И частенько, когда их товарищ умер, просто помещают его в бумажный мешок и выбрасывают в глухом переулке.

— Не может быть! — ахнул Сергей.

— Еще как может, молодой человек. Так вот, полиция давно подбирает трупы китайцев на улице, и потом их погребают на средства городских властей. Но то были тела без следов насильственной смерти. А теперь убийство за убийством! Китайцев стало вдвое меньше, а смертей вдвое больше. Чуть не каждый день. И такие зверские. Вы слышали про случай на Пологой улице? Впрочем, он был позавчера, когда вы ехали в поезде. Неизвестный зарезал китайца, отсек ему голову и шел с ней двести саженей. Нес в руках, держа за косу! Это уж ни в какие ворота.

Алексей Николаевич представил картину, как злодей гуляет по городу с отрезанной головой, и содрогнулся. Манакин тоже будто поперхнулся, но выправился и продолжил:

— К чему все это говорю? Я допускаю, что столь зверские преступления инспирирует само китайское правительство. С целью запугать диаспору и заставить соотечественников вернуться на родину. Значит, где-то во Владивостоке их разведка держит боевой отряд. Представляете, что он может натворить, если начнется война?

Предположение губернатора было столь важным, что в корне меняло весь план дознания. Лыков стал задавать уточняющие вопросы:

— У вас в городе существует китайская полиция. Казалось бы, ей и надлежит в первую очередь поймать преступников.

— Да, — кивнул Манакин, трогая себя за длинный седой ус. — Это особенность Владивостока. При Городском полицейском управлении есть особая вспомогательная полиция, состоящая преимущественно из китайцев. Она содержится за счет их общественного самоуправления и должна бороться с уголовной преступностью среди желтых. Но самоуправление-то регулируется китайскими властями. Что, они будут ловить сами себя? Если моя догадка верна...

— Ваше превосходительство, какого вы мнения о Лединге? — неожиданно спросил статский советник.

Манакин погрузстнел:

— Понимаю подоплеку вашего вопроса. Да, именно полицмейстер должен искоренять преступность в городе, в том числе и желтую. А Генрих Иванович... За ним тянется такой зловонный шлейф... Еще с тех пор, когда он был полицмейстером Порт-Артура. Лединг, судя по всему, сделал из туземной диаспоры источник дохода. Причем очень даже значительного! Китайская полиция подчиняется ему и таскает дань от незаконных публичных домов, опиекурилен и банковок.

— Простите... — вмешался было Азвестопуло, но генерал догадался о сути вопроса и пояснил:

— Банковками называются подпольные игорные дома, где китайцы играют на деньги в свое домино.

Многие оставляют в них весь заработок. Это такая язва, которая заставляет иных идти на преступления. Ну, в Монте-Карло, говорят, тоже есть такое... О чем уж я? Об Лединге. Скажите, пожалуйста, как я могу ему доверять после того, что знаю о подполковнике?

— Почему же вы его не выгоните? — задал логичный вопрос статский советник.

— А потому, что ваши не дают, — брякнул губернатор.

— Наши — это кто? Министр? Так он теперь новый.

— Ваши — это жандармы. И охранное отделение. Он их вполне устраивает. Несложно догадаться, чем именно.

— Снабжает агентурными сведениями? — предположил Алексей Николаевич.

— Наверняка, — кивнул Манакин. — Еще с Порт-Артура Лединг завел среди китайцев агентуру, при помощи прикормленных им переводчиков. Когда в тысяча девятьсот шестом году он был назначен владивостокским полицмейстером, то приехал со своими доверенными лицами, теми самыми переводчиками. Это одно преступное предприятие. Ребята обеспечивают ему освещение в среде приезжих китайцев. А попутно собирают с них дань, покрывают уголовных, прячут беглых, договариваются с хунхузами... И жандармы в обмен на сведения о настроениях в диаспоре покрывают проделки подполковника. Ведь если его уберут, сведения поставлять станет некому. Начальство будет недовольно. А самим завести агентуру в китайской среде невозможно. Лединг уникален своими способностями и потому незаменим. А тут еще поддержка Флуга.

— Флуг ведь уехал, — подал реплику коллежский ассессор. — Он теперь командир Второй гвардейской дивизии.

— То-то и оно, что гвардейской, — назидательно подчеркнул Манакин. — Близко к государю стоит Василий Егорович. Такой скачок...

Генерал-лейтенант Флуг в 1905—1910 годах был предшественником Манакина, а до того много лет прослужил в Приморье. Хозяин покосился на Азвестопуло и закончил свою мысль:

— Говорят, во время войны с японцами Флуг и Лединг совершили немало преступлений. Сообща. Обирали маньчжур как липку. Потом, когда старший стал губернатором здесь, он и поставил младшего над полицией. И тут же начались жалобы. Но Василий Егорович Генриха Ивановича в обиду не давал. И все расследования закончились для того без последствий. Да, Флуг уехал. Но сила Лединга в том, что он умеет ладить с нужными людьми. Я вот никогда не умел. А наш курляндец, видать, от природы таков. Поди его возьми...

— Что у вас с полицейской обстановкой? Много ли тяжких преступлений?

Начальник области свел брови:

— Получил годовую сводку. Уже можно подводить итоги, год, считай, закончился. Цифры неутешительные. Триста восемьдесят четыре умышленных убийства! А? Много?

— Не то слово, Михаил Михайлович, — нахмурился статский советник. — Понимаю, что ссыльнокааторжная у вас область, однако...

— Но что можно сделать с таким кадром? Я требую очистить полицию от лиц с неустойчивой совестью. Но то слова. А на деле вынужден терпеть жулика Лединга и его прихвостней...

— Кто в области служит по жандармскому корпусу? — вынул записную книжку Лыков. — И на кого можно положиться в моем дознании? Я ведь прислан министром внутренних дел, их непосредственным начальником. Голубым мундирам лучше со мной дружить.

— За город и окрестности отвечает Владивостокская крепостная жандармская команда, — ответил генерал-майор. — Она у нас выполняет роль областного управления. Главный там подполковник Васильев. Есть Жандармско-полицейское управление Уссурийской железной дороги. Им командует полковник Меранвиль де Сент-Клер. Обычно железнодорожные жандармы сводят свою службу к обеспечению порядка в полосе отчуждения дороги. Андрей Николаевич смотрит шире, он занимается тем, чем мало кто занимается в России, — контрразведкой. Третья сила в секретной полиции — охранное отделение во главе с ротмистром Лалевичем. Бумаг он мне присылает больше всех. Но... все трое, даже де Сент-Клер, во многом живут умом полицмейстера. Увы.

— А военные? — продолжил расспросы статский советник. — Имеют они собственные мозги?

— Лучше вам будет спросить об этом у генерала Нищенкова. Там существует с некоторых пор контрразведывательный пункт. Аркадий Никанорович, помнится, хвалил мне офицера, который им заведует. Все хоть какой-то свой взгляд на вещи, отличающийся от спорных открытий Лединга.

— М-да... А начальник края?

Губернатор опять крикнул, потом огорошил гостей:

— Шталмейстер Гондатти в первых числах января отбывает в Петербург. На три месяца!

Алексей Николаевич тоже крикнул, с той же интонацией. Потом вспомнил:

— У меня есть приятное поручение к Нищенкову. Я ж ему привез погоны полного генерала! А также эполеты — новенькие, из столицы. Согласно поручению барона Таубе.

Манакин как человек военный сразу все понял:

— У нас даже командующий войсками округа Леичицкий — генерал-лейтенант. Так что Аркадий Никанорович теперь старший в чине во всем Приамурском крае! Ступайте к нему с подарком, то-то он обрадуется. И поможет в ваших делах.

Не тратя лишних слов, губернатор велел секретарю соединить его через телефон с комендантом крепости. И сказал ему:

— Ваше высокопревосходительство! Когда обмоем? Читал в приказе, а чарки перед собой не вижу.

Выслушал ответ Нищенкова, повеселел (не иначе, комендант пообещал скатерть-самобранку) и продолжил:

— У меня сидят статский советник Лыков из Департамента полиции и его помощник. Приехали дознавать нападения на ваши казначейства. А тут, понимаешь, Лединг... Да, именно это я и имею в виду. Тебя волнуют сломанные кассы, а меня участвовавшие убийства китайцев! Не верю, что все это дело рук хунхузов. И столичные сыщики нам с тобой сейчас очень кстати.

Помоги им, пожалуйста. У Лыкова, кстати, солдатский Георгий...

Нищенков стал что-то говорить, но Манакин его оборвал:

— Посылаю статского советника к тебе. Да, он не с пустыми руками, а с подарком. От самого Виктора Рейнгольдовича фон Таубе. Так что, покуда он едет, пошли за ординарцем...

Военный губернатор пожал питерцам руки и велел держать его в курсе дела. И те уехали к железнодорожному вокзалу, в штаб крепости.

Новоиспеченный генерал от артиллерии встретил их заинтригованным. Как и ожидал увидеть Лыков, на его мундире красовались погоны с дырками от выдернутых звезд♦. Алексей Николаевич после первых же слов приветствия вручил ему сверток от Таубе. Нищенков раскрыл его и даже вскрикнул от удовольствия:

— Значит, Виктор уже тогда знал? Вы ведь ехали десять дней! И взяли погоны с собой. А я лишь вчера увидел в приказе.

— Знал, ваше высокопревосходительство, и снабдил нас таким презентом.

— Называйте меня Аркадием Никаноровичем. А вас как? Алексей Николаевич, ага. Помощник ваш еще молод, но пусть будет тоже...

— Благодарю, — расцвел Азвестопуло. — Меня звать Сергей Манолович.

— Господа, не желаете принять участие в торжестве? Завтра в десять часов вечера в банкетном зале буфета Офицерского собрания. Будет узкий круг, но я вас приглашаю.

♦ Погоны полного генерала не имели звезд. Нищенков просто вынул из них три звезды по своему предыдущему чину генерал-лейтенанта.

— Нет, Аркадий Никанорович, нам там не место, — уклонился статский советник. — Мы штафирки, наше дело — жуликов ловить. Вашим гостям можем прийтись не по вкусу.

— Ну, как вам угодно. А что Виктор? Привык обходиться одной рукой?

— Виду не подает. В последнее время барон совсем повеселел. Вернулся к прежним секретным делам, все знакомое, родное. А то ведь его чуть было не турнули.

— Да, умеем мы разбрасываться людьми, — согласился Нищенко. — Ну, к делу. Вы приехали дознавать нападения на полковые казначейства, верно?

— Верно. Еще Гондатти просил министра разобраться, кто у вас режет на улицах китайцев, да еще с такой жестокостью.

Комендант нахмурился, склонил голову и какое-то время молча смотрел в пол. Сыщики тоже помалкивали. Наконец хозяин заговорил:

— Я слышал от Михаила Михайловича его затаенную мысль, что убийства эти есть способ китайского правительства запугать своих сбежавших подданных. Он опытный разведчик, просто так не скажет. И потом, уж больно эти смерти совпадают с желанием китайцев вернуть всех своих на родину. Надо бы проверить догадку Манакина. Но как?

— Через агентуру, — мягко сказал статский советник. — Есть же у вас такая?

— До последнего времени не было, ели с ладони у того же Лединга... будь он неладен. Сейчас ситуация поменялась. Штаб Приамурского округа прислушался к нашим просьбам и открыл здесь контрразведыва-

тельный пункт. Он же занимается и разведкой, разу-
меется. Пункт подчиняется соответствующему отде-
лению в Хабаровске. Начальника отделения взяли из
жандармов. Они в самом деле лучше строевых офице-
ров подготовлены к разыскной деятельности. И рот-
мистр Фиошин, командующий сейчас КРО♦, для долж-
ности подходит. А вот на пункт мы продвинули, не без
усилий, поручика Насникова. Он закончил школу офи-
церов-ориенталистов при Восточном институте, умный,
быстро схватывает. На мой взгляд, назначение удачное.
Будете иметь дело с ним. Правда, сейчас поручик в от-
лучке. Выехал на два дня к озеру Ханка, там обнагтели
хунхузы. Ведут себя как дома, грабят отхожих и оседлых
китайцев, да и русских иногда цепляют. Манзы♦♦ под их
рукою сеют мак и сдают потом опиум-сырец тем же раз-
бойникам. Вот стервецы! Пытаемся с этим бороться, хо-
тя силы заведомо неравны. Попробуйте-ка сладить с на-
селением, которое настроено к вам враждебно...

♦ КРО – контр-
разведыва-
тельный отдел
штаба округа.

♦♦ Манзы – ки-
тайское насе-
ление Уссурий-
ского края.

Лыков повернул разговор в прежнее русло:

— Мы с Сергеем Маноловичем будем одновремен-
но дознавать оба дела: и нападения на полковые кассы,
и убийства китайцев во Владивостоке. Почерки и там
и там схожи своим зверством. Возможно, это дело рук од-
ной банды... По первому нам поможет Насников, рас-
поряжение военного министра имеется. А как быть со
вторым? Без участия городской полиции мы вдвоем ни-
чего не сделаем.

— Понимаю. Манакин даст команду Ледингу ока-
зать содействие. Однако тот сделает все по-своему.
Честной помощи от него не ждите. Больше опирайтесь
на нас, иногда на жандармов. Сейчас зима, многие ки-

тайцы уехали домой. Полагаю, это облегчит вам задачу. Летом тут такое было — не продохнуть! В одной лишь Миллионке♦ обитало пятьдесят тысяч ходей. И половина без билетов♦♦.

♦ Миллионка — китайско-корейское гетто во Владивостоке.

Генерал от артиллерии взглянул на питерцев и сурово предостерег:

♦♦ Без документов.

— Идите к полицмейстеру и готовьтесь к двойной игре. Он попытается вас купить, будет предлагать соболиные шкурки или японских проституток — не поддавайтесь.

Лыков под столом пнул помощника. Но комендант вдруг продолжил:

— Если очень нужны соболя, я же понимаю — жены и все такое, то мы вам и без него подберем.

Азвестопуло тут же пнул шефа в ответ.

Сыщики встали, откланялись и вышли на подъезд. Их уже поджидал вездесущий Царегородцев.

— Господа, — вскричал он, — подполковник ждет! Экипаж при мне, прошу садиться.

Деваться было некуда. Питерцы сели в роскошную коляску и отправились в полицейское управление.

Его двухэтажное здание находилось на углу Суйфунской и Семеновской улиц. Слева от главного дома притулились казарма и конюшня с выездом пожарной части. Над центральным входом возвышалась кокетливая надстройка, изображавшая каланчу.

Полицейстер, как выяснилось, занимал весь второй этаж. Он принял гостей на пороге, пафосно распростер навстречу им объятья и воскликнул:

— Прошу, гости дорогие! Истомился, с утра не пью, вас жду. Напитки и закуски давно приготовлены.

Лединг оказался нестарым еще мужчиной симпатичной наружности, тонкие усы и зачес делали его еще более привлекательным. Глаза, правда, бегали. Мундир подполковника украшали старшие ордена — шейная Анна и петличный Владимир, оба с мечами! Алексей Николаевич знал, что в русско-японскую войну на ее участников обрушился целый дождь наград. Как будто русские войска взяли Токио... Никогда доселе ордена не раздавали всем подряд без счета. А Таубе не вручили ничего, кроме медальки. Лишь год назад спохватились и кинули Владимира второй степени к тридцатипятилетию службы в офицерских чинах. По ходатайству Редигера — с мечами, что несколько утешило Виктора Рейнгольдовича.

Но пора было налаживать отношения с хозяином здешней полиции. И Лыков заговорил бодрым голосом:

— Мой наставник Павел Афанасьевич Благово был в прошлом морским офицером. И научил меня хорошему флотскому обычаю. Вы знаете, что такое шестая склянка?

— Нет, а что это? — заинтересованно спросил Лединг.

— По-нашему, по-сухопутному — одиннадцать часов утра. Как только на военном корабле ее пробьют, сразу раздается команда старшего офицера: «Свистать к водке!».

— Ух ты! — восхитился полицмейстер. — Прямо так и кричат? Надо будет ввести в обиход. По городскому управлению.

— Едва команда поступила, все боцманы начинают дудеть в свои свистульки, которые носят на груди. Это

сигнал выносить водку на палубу. Особые люди вытаскивают лохань с чаркой, и к ней подходят матросы за своей нормой. Причем по старшинству!

Подполковник слушал, раскрыв рот. Или только подыгрывал? Дав гостю закончить, он указал на часы:

— Шесть склянок давно пробили, а мы еще ни в одном глазу. За мной, господа!

Они сели за большой стол, уставленный бутылками и яствами. Прислуживали им два бравых малых, по виду — городовые. Неужели полицмейстер использует служивых в качестве бесплатной прислуги? М-да...

Стол выглядел превосходно. Омары, устрицы, седло барашка, суп из дупелей, дорогая салфеточная икра, жареный фазан, филиппинский коньяк, метакса (видимо, Лединг желал ублажить и Азвестопуло), лафит и зельтерская, шартрез, китайские пирожки с неизвестной вкуснейшей начинкой... Хозяин подливал и подливал. Сам он пил наравне с гостями, с провинциальным армейским шиком, говорил банальности и сверлил статского советника внимательным взглядом. Не иначе, составлял ему в уме характеристику.

Лыков мог выпить очень много и не захмелеть, но тут даже он поплыл. Как по команде, мир вокруг сделался уютным, сидящий напротив человек — приятным и обходительным. Деловой разговор, который питерцы несколько раз пытались начать, так и не получался. Генрих Иванович сбивал его сальностями и второстепенными подробностями. Когда речь зашла о текущих делах, он сбегал в кабинет и принес пачку свежих оттошений:

— Вот! С утра до вечера служба и служба. Имею я право хоть раз отдохнуть с дорогими гостями? А эти бу-мажки...

Он стал комментировать их одну за другой:

— Ишь, натаскали за один только сегодняшний день... У всех святки, а подполковнику Ледингу — убиться вусмерть... Я даже прејскуранты цен в меню ресторанов должен утверждать, представляете? Вот до чего низвели полицию. Так, смотрим... Ага! Из городской мусоросжигательной печи похищен дохлый теле-нок. Задержаны кореец Ген-гиби и китаец Ко Цзыван, утилизирующие падаль. Наверное, хотели скормить в харчевках Миллионки. Далее... По Пекинской ули-це в доме номер двадцать пять квартира семь ото-браны двадцать фунтов опиая. Ну, такое у нас каждый день... На Рюриковской ограблен помощник бухгалте-ра управления военного порта коллежский секретарь Сивоголовкин. Да его за одну фамилию уже надо бы-ло ограбить... На Второй Морской юнкер Владимир Никонов схватил налетчика, напавшего на женщину с ребенком, и сдал его городовому. Молодец юнкер, мож-но хоть сейчас в офицеры производить... Вот интересно! Проходивший по Корейской слободке рабочий камено-ломни Большаков споткнулся и упал. Видать, пьяный был, собака. От удара о камни взорвался динамитный патрон, что лежал у Большакова в кармане. Ему оторва-ло кисть правой руки и вышибло глаз. Вот зачем ему, скажите, понадобился в кармане динамитный патрон? Жалко, что не убило дурака... А вот ябеда антреprene-ра женского оркестра, что играет в ресторане «Золотой Рог». Дядя жалуется, что артель официантов заставля-

ла его балалаечниц оказывать гостям интимные услуги в отдельных кабинетах. А кто отказывался, тех официанты насильничали и продавали в тайные публичные дома. Многие дамы исчезли бесследно — то ли сбежали куда глаза глядят, то ли прикованы цепью в тех самых борделях...

Вдруг лицо полицейстера сделалось серьезным.

— Так-так, вот и по вашей части. На пристани графа Кайзерлинга китайские рабочие сгружали уголь с парохода «Олень». А когда сгрузили и ушли, возле пакгауза обнаружился труп желтомазого без документов. С отрезанной головой.

За столом повисла тишина.

— Черт бы их драл всех! — рассердился Лединг. — Что еще за сволочь завелась в моем городе?!

— Манакин выдвинул предположение, что это китайские власти в ответе, — заговорил Алексей Николаевич. — Будто бы таким способом они хотят принудить соотечественников вернуться на родину, в преддверии войны с нами.

— Знаю я эту версию, — мотнул головой подполковник. — Но не могу ее принять. Где такое видано? Бей своих, чтобы чужие боялись?

— Но, может быть, у китайцев так принято? — подал реплику Азвестопуло. — Губернатор говорил, что был консулом в... как его?

— Цицикаре, — подсказал Лединг. — Ну и что? А я служил полицейстером в Порт-Артуре. И много лучше его превосходительства, уж поверьте мне на слово, знаю азиатские порядки. Да, так могло бы быть — Китай имеет сильные секретные службы и, конечно,

контролирует диаспору во Владивостоке. Да и по всему Приморью в целом. Кроме того, к нам часто бегут из Маньчжурии преступники, как уголовные, так и политические. И длинные руки китайской разведки могут — я это допускаю — дотягиваться сюда. Несколько смертей, что мы дознавали, весьма похожи на дело рук пекинских сыщиков. Но не все убийства политические. Поскольку в большинстве своем жертвы последних преступлений — рядовые ходя, черная кость.

— Что же тогда происходит, по-вашему?

Полицейстер ответил трезвым голосом, словно и не пил весь вечер:

♦ *Цепные убийства — серийные.*

— Обычные цепные убийства♦. Которые совершает маньяк-одиночка. У меня в городе изувер, которому доставляет удовольствие отрезать людям головы и разгвливать с ними по улицам. И еще легкое наружу вытаскивать. Давайте его поймаем, а?

— Давайте, — поддержал предложение статский советник. — Но точно ли, что его жертвы — одни китайцы? Не было ли похожих случаев с русскими?

— Не было, я тоже этим интересовался. Только часовые солдаты, когда грабились денежные ящики.

— Значит, у этого маньяка есть идея фикс. У каждого из них имеется какой-то пункт, где он подвинулся умом. С виду человек как человек, поэтому маньяка так трудно ловить — не отличишь от нас с вами. Надо идею фикс вычислить, и тогда сможем установить круг подозреваемых.

— Согласен с вами, Алексей Николаевич, — бодро заявил Лединг. — Я сейчас вызову сюда начальника сыского отделения Мартынова, и он доложит, как идет

дознание по многочисленным убийствам китайцев. Мы не сидим сложа руки. Ищем, землю роём. Силами вверенной мне полиции.

— Может, лучше завтра? — спросил коллежский ассессор, кивая на заставленный бутылками стол.

— А мы слушаем его в кабинете. Не сюда же звать? Он всего-навсего коллежский регистратор. Хотя человек опытный: служил прежде в петербургской охранке.

Через четверть часа в соседней комнате питерцам представился мужчина заурядной наружности, усатый, угловатый и слегка затурканный:

— Начальник сыского отделения Владивостокской городской полиции Мартынов.

— И как вас по имени-отчеству? — доброжелательно протянул ему руку статский советник.

— Сергей Исаевич, ваше высококородие!

— А меня звать Алексей Николаевич. Моего помощника, коллежского ассессора Азвестопуло, — Сергей Манолович. Давайте дальше без чинов, нам вместе убийц ловить.

— Слушаюсь.

— Мартынов, расскажи гостям, что проделано твоими людьми, — приказал полицмейстер, не предлагая докладчику сесть. Лыков тотчас же вмешался. Он усадил местного сыщика на стул, вынул перо и блокнот, после чего мягко сказал:

— Начинайте. Вот сразу к вам вопрос: режут китайцев и ломают полковые кассы одни и те же люди?

— Трудно такое допустить, ваше высококородие.

Алексей Николаевич понял, что при начальстве Мартынов будет его титуловать, и не стал настаивать:

— Почему вы так думаете? Здесь ключевой момент дознания. Нас с Сергеем Маноловичем прислали сюда раскрыть оба этих дела.

— Поясню. Кончает желтых маньяк, и он сам по себе, одиночка, без сообщников. Судя по следам. Кроме того, в одном случае его видели, правда, издали, примет составить не удалось...

— Это интересно!

— Разрешите, ваше высочородие, я вернусь к этому позже, а пока отвечу на ваш вопрос.

— Да, продолжайте, пожалуйста.

Мартынов подобрался:

— Одиночка, я уверен. А кассы ломает целая банда, не меньше трех человек. И там серьезные фартовые, не мелкая шушера. Объединяет оба преступления только жестокость, с какой они льют кровь...

— И еще общий характер ранений, — напомнил Азвестопуло.

— Вы про вытянутое наружу легкое? Отвечу и на это. Не могу себе представить, чтобы в серьезной шайке атаман позволял кому-то баловство. Так злить полицию! Зачем фанфаронить? Глупо и непрофессионально, если хотите.

— Но почему же тогда...

— И там и там легкое у жертвы тащат наружу? А чтобы сбить нас с толку. Направить на ложный след. Так думаю.

Тут в разговор вступил полицмейстер:

— Мало ли что ты думаешь! Доказательства давай! Начальник сыскного отделения не смутился: